

Руслан ХАСБУЛАТОВ

ИРРАЦИОНАЛИЗМ ЧРЕЗМЕРНОГО ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА ПОЛИТИКИ НА ЭКОНОМИКУ: ОБЩЕМИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (часть I)

В статье рассматриваются основные институциональные изменения, происходившие в мировой экономике и международных экономических отношениях после Второй мировой войны в рамках 4 периодов. Они включают время создания Бреттон-Вудских учреждений и ГАТТ, сыгравшего необычайно позитивную роль в качестве универсального регулятора всемирной торговли в рамках известных торговых раундов. Рассматриваются периоды успешного развития двух подсистем мирового хозяйства (социалистического и капиталистического) и их позитивное взаимовлияние (подспудное развитие конвергенции). Причем наиболее успешным периодом для мирового капитализма автор считает время, когда на базе кейнсианского регулирования было создано социальное государство всеобщего процветания, быстро сокращалась бедность, возрастал средний класс на базе непрерывного роста уровня жизни населения большинства стран. Эта модель демократического капитализма была жестко и бескомпромиссно изменена в 80-е гг. прошлого столетия через отказ от кейнсианства в пользу неолиберал-монетаризма, или «либертаризма» (по выражению известного американского экономиста П. Самуэльсона), нашедшего свое выражение в известной доктрине Вашингтонского консенсуса. В нем отражается курс наиболее правых реакционных кругов крупных монополистических корпораций и прежде всего финансовых групп, по сути установивших контроль над национальными экономиками, особенно успешно после падения СССР и мировой социалистической системы. Глобальная конкуренция между двумя системами исчезла, мировой капитализм объявил о своей безальтернативности. Отсюда — истоки стремительного роста неравенства, нового наступления бедности, тенденция сокращения средних классов в странах, в т.ч. самых процветающих и богатых. Под лозунгом «ухода государства из экономики» с целью стимулирования механизма конкуренции в развитых странах все последние три десятилетия отмечалась государственная интервенция, причем в самых прямых формах и по возрастающей интенсивности. Это особенно стало заметно с начала нового тысячелетия, и в частности когда совместными усилиями США и Евросоюза фактически оказалась заблокирована деятельность ВТО как универсального регулятора международной торговли. Переход к политике давления, шантажа, угроз, одностороннего введения пошлин, квот и санкций стали отличительной особенностью

и стилем Вашингтона, особенно после прихода в Белый дом президента Дональда Трампа. Все это создает новую, намного более сложную международную обстановку для России, требует от нее проведения другой экономической политики и другого курса ее внешней политики, в т.ч. с коллегами по ЕАЭС. Необходимо придать новые стимулы для развития не только российской экономики, но и экономики этой интеграционной группы, жизненно важной как для интересов самой России, так и для стран группы. Этот курс должен стать приоритетным во всей внешнеэкономической стратегии государства.

Ключевые слова: американский империализм, Бреттон-Вудская система, торгово-экономическая война, Европейский союз, интеграционные процессы, новые центры силы, регион, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, Транстихоокеанское торговое партнерство

JEL: F29, F37, F42

Период после завершения глобального финансово-экономического кризиса (2008—2010 гг.) характеризуется непрерывно растущим (чрезмерным) влиянием политического фактора на международные экономические отношения. Собственно, этот новый элемент стал заметным с начала XXI в. Во всяком случае с периода открытия первого раунда торговых переговоров в рамках ВТО (Доха, Катар, 2001 г.), США и страны ЕС заняли непримиримые позиции в переговорах с влиятельными развивающимися странами (Китай, Индия, Бразилия, ЮАР и др.) по ряду вопросов (аграрная политика, интеллектуальная собственность) и фактически обрекли на полный провал и этот раунд международных переговоров, и их организатора — Всемирную торговую организацию (далее — ВТО)¹. Казалось, что именно ВТО, получив поддержку стран мира, может решить главные проблемы мировой торговли. Но этого не произошло.

Не отказываясь полностью от участия в ВТО, правительство Барака Обамы приступило к интенсивной разработке двух гигантских проектов:

- объединяющее страны Латинской Америки, Азии и Японии Транстихоокеанское торговое партнерство (далее — ТТП);
- Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (далее — ТТиП) в составе США, Канады и 28 стран Евросоюза.

Обе эти гигантские торговые зоны, по замыслам администрации Барака Обамы, должны были обеспечить серьезные преимущества американским компаниям в торговле и других направлениях экономического сотрудничества, минуя ВТО. Оба проекта исключали участие Китая и России.

Войдя в Белый дом, президент Дональд Трамп одним из своих первых ордеров объявил о выходе США из обеих проектов. Но это во все не означало, что новый президент склоняется в сторону ведения переговоров в рамках ВТО. Более того, он нанес еще более мощный

¹ Она была создана при участии ООН в 1946 г. в форме Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее — ГАТТ). При этом было предусмотрено, что в будущем она будет преобразована в Международную торговую организацию. Это и было осуществлено всеми странами-членами в 1994—1995 гг.

удар по самой конструкции торговой организации, объявив о переходе к двусторонним торговым переговорам и намерениям обеспечить привилегии для США любыми способами, включая произвольное установление в одностороннем порядке повышенных пошлин, тарифов и прочих протекционистских мер против тех стран, которые «добровольно» не согласятся обеспечить интересы США. Шантаж, угрозы, ультимативные требования, уход от традиционной переговорной практики — это тот «новый стиль» Вашингтона, к которому в конечном счете привела политика США.

Ее первые основания, как мне представляется, закладывались еще с начала нового тысячелетия, по мере того как быстро возростала торгово-экономическая мощь ряда крупных держав и одновременно «размывались» позиции этой супердержавы как единственной доминирующей в мире силы. Очевидно, в попытках сохранить свои былые позиции и неспособности занять адекватное место в многополярном мире, ставшем реальностью, и заключаются судорожные действия Вашингтона по контрнаступлению по всему азимуту (не делая особенных различий между союзниками и противниками).

Трудно сказать, чего достигнут США. Но один результат очевиден — усиление хаоса в международных экономических отношениях, разрушение международного порядка, необычайный рост недоверия во взаимоотношениях, девальвация договоров и соглашений, потеря авторитета (делигитимация) самих мировых лидеров в глазах общественного мнения независимо от того, кто из них прав или неправ — виновны они все, ответственные за судьбы Мира.

«Славное тридцатилетие» Бреттон-Вудской системы

Экономисты-теоретики, десятилетиями занимающиеся исследованиями в области международных экономических отношений, считают, что решения британцев покинуть Европейский союз, а американцев — избрать Дональда Трампа президентом касаются не только Великобритании и США, но всего мира. Они привели к распространению упомянутого выше «нового стиля политики» повсюду в мире, о чем пишет историк, профессор Гарольд Джеймс (Принстонский университет). Он отмечает следующее: «События 2016 г. представляют собой серьезный вызов либеральному международному порядку, который был создан после разгрома нацизма в 1945 г., а после краха советской системы в период 1989—1991 гг. был укреплен и обновлен» [1, С. 5].

Основанные в 1944—1945 гг. международные финансовая и торговая системы, базирующиеся на кейнсианских принципах регулирования, сумели обеспечить не только послевоенное восстановление стран, разрушенных нацистскими ордами «новых гуннов», но и стабильное развитие всей мировой экономики и прежде всего мировых финансов и мировой торговли через эффективное регулирование, сотрудничество и координацию деятельности национальных государств.

Во Франции послевоенные десятилетия принято называть «славным тридцатилетием». Хотя это некоторое преувеличение, поскольку

ку в 1960-х гг. состояние мировой финансовой системы было далеко не стабильным, но в целом при некотором преувеличении оценок этот период был необычайно плодотворным, учитывая всю тяжесть и сложность задач того времени. Международный экономический порядок, регулируемый Бреттон-Вудскими институтами и ГАТТ, был достаточно стабильным, обеспечивал мировое равновесие во всем несоциалистическом мире, вплоть до 1990-х гг., когда началась эра глобализации.

Если сравнить эти достижения за почти равные три следующих периода — 1945—1965 гг.; 1966—1991 гг.; 1992—2018 гг., — мы увидим разительные контрасты в цивилизационных, экономических и социальных характеристиках и особенностях этих периодов в качестве реформирования. Они обусловлены неуклонно идущим процессом понижения социальной ответственности, морально-этической культуры и профессионализма растущей армии управляющей системы на национальном и международном уровнях. И это при том, что под влиянием научно-технического прогресса происходило и происходит ускорение и повышение плотности изменений в т.ч. в формировании современных информационно-коммуникационных технологий. Неуклонное падение эффективности системы в значительной мере связано, на мой взгляд, с фактором неадекватного или избыточного (чрезмерного) воздействия государственной власти на экономику, межгосударственные и международные отношения. Это в особенности относится ко второму и третьему периодам, хотя именно в эти десятилетия неолбертаристами усиленно пропагандировался тезис о «вредности» государственного вмешательства в экономику. С 80-х гг. прошлого века получила статус *mainstream* доктрина, обосновывающая снижение роли национальных государств в международных экономических и политических отношениях, которые якобы успешно заменены ТНК и ТНБ.

Первый период (1945—1965). В несомненную заслугу послевоенной мировой экономической системы, созданной на международной конференции в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Хемпшир, в 1944 г., необходимо поставить экономический рост (приоритет в кейнсианской теории), значительное сокращение бедности, урегулирование торговых спадов и либерализацию международной торговли через известные торговые раунды в рамках ГАТТ (восемь раундов, обеспечивших либерализацию 80% мировой торговли). Позитивные изменения за четверть века на европейском континенте были беспрецедентными: в Западной Европе на базе кейнсианской модели развития было создано государство всеобщего благоденствия (процветания). В СССР за эти же четверть века полностью восстановлена экономика и сельское хозяйство в европейской части страны, запущены «спутники», а вскоре космический корабль, ведомый Юрием Гагариным, осуществил выход человека в космическое пространство². В этот период происходило сильное взаимное влияние двух систем: капитализм, особенно европейский, заимствовал многие существенные элементы социальной политики социализма и планиро-

² Интересно, какие выводы напрашиваются при сравнении результатов развития СССР за то 25-летие и 25—27 лет развития новой России в намного более благоприятных условиях с точки зрения адекватного государственного руководства.

вания (в формах индикативного планирования), участия трудящихся в управлении фирмами и т.д. Социализм эффективно использовал принципы фирменного управления капиталистическими корпорациями, повышая эффективность промышленных предприятий.

Второй период (1966–1991). Для этого периода были характерны концентрация мирового экономического могущества в четырех центрах мира: США — Западная Европа — Япония — СССР и Восточная Европа (социалистическая). Сопоставление экономической мощи мирового капитализма и мирового социализма было по разным данным в соотношении 100:80 или 100:70. А возможно, если учитывать ценовой фактор, СССР и другие социалистические страны превосходили по доле совокупного валового продукта «в мировом валовом продукте». Огромный мир развивающихся стран примерно наполовину примыкал к СССР и его союзникам, наполовину — к капиталистическому Западу. Для периода были характерны необычайный взлет СССР как мировой экономической и военно-политической державы в 1960–1970-х гг.; острые противоречия между двумя системами — мировой капиталистической и мировой социалистической; переход к мирному сосуществованию и сотрудничеству, в т.ч. в Европе (через заключительный Хельсинкский акт 1975 г.); эпоха разрядки периода Горбачева (1985–1991). Далее произошло ослабление СССР и внезапная гибель этого могучего государства в результате «удачного» переворота, совершенного главами трех союзных («славянских») республик, входящих в состав СССР (8 декабря 1991 г. в охотничьем доме в Беловежской пуще, Вискули, Белоруссия). В этот период для стран Западной Европы были свойственны сильнейшие объединительные (интеграционные) процессы, формируется ЕАСТ и ЕЭС, между которыми происходит острая конкурентная борьба, верх одерживает ЕЭС, она становится Союзом³. Развивается глобализация на технологической базе ИКТ, укрепляется мощь ТНК. Происходит феноменальное развитие КНР, но мир еще не воспринимает эту страну как «проснувшегося гиганта» (о чем, кстати, говорил Наполеон Бонапарт). Экономика США развивалась более высокими темпами после рейгановских реформ, особенно возрастал финансовый сектор, ускоряя финансовую глобализацию.

В 1980-е гг. *произошел окончательный отказ* экономической политики США, а также множества других стран (далее — ОЭСР) *от кейнсианской доктрины*. На смену ему пришла наиболее консервативная, реакционная неолиберально-монетарная концепция, разработанная целой группой экономистов и политологов во главе с М. Фридманом (Чикагская школа), к которой примкнули многие другие университетские профессора. Так сформировался Вашингтонский консенсус, отразивший «согласие» разных школ с доктринальными положениями новой глобальной экономики (отсюда «консенсус»).

Третий этап (1991–1999). На этом этапе, завершающем десятилетии всего XX в., насыщенного как трагическими событиями (мировыми во-

³ В том же году, когда Ельцин, Кравчук и Шушкевич отказываются от Союза ССР, европейские лидеры подхватили очень удачное название «Союз».

йнами), так и великими достижениями и озарениями человеческой мысли. Мир сталкивается с тремя выдающимися процессами, буквально пронзившими весь политический, экономический и социально-культурный ландшафт.

Во-первых, после падения мирового социализма в лице СССР началась эпоха однополярного мира во главе с могущественными США. Весь западный мир (в т.ч. вся верхушка новороссийского «нефтегосударства» и вскормленные на тотальном воровстве государственного имущества чиновники всех мастей и «новые» деловые люди в России⁴) радовался этому при настороженном отношении огромного большинства населения планеты.

Во-вторых, весь капиталистический мир в 1991–1993 гг. находился в тисках мощного экономического кризиса. Распад СССР оказал огромную помощь Западу — Европе и США в достаточно безболезненном выходе из этого кризиса к середине 1993 г. Из новой России и Украины в Европу и США переводились колоссальные деньги, материальные ценности, цветные металлы, всевозможное сырье; за бесценок вывозились крупные партии телевизоров, холодильников, грузовые и легковые автомобили, зерно, станки, заводское оборудование (обостряя проблему дефицита). И что еще более трагичное — самые талантливые ученые, конструкторы, инженеры, врачи (более 5 млн человек!) выехали за пределы Отечества. Это — *во много крат больше тех, кто покинул страну после Гражданской войны* на «философских теплоходах», о чем занудливо пишут до сего дня, не понимая невосполнимости утраты интеллектуального капитала после 1991 г. В дополнение к этому — бездарная приватизация, когда активы многих ведущих предприятий стоимостью в более 200 млрд долл. были «распроданы» за смешные 7 млрд долл., поступивших в российскую казну. В результате произошла *мощная деиндустриализация*.

Ранее экономически развитая Россия была отнесена международными организациями *в группу развивающихся стран* (как Украина, Казахстан и другие участники СНГ). Не в этих ли событиях таятся причины утраты обществом своей энергии, инертность и равнодушие общества, абсолютизация веры в верховного правителя — единственного источника процветания? В то же время США и Европа как центры мирового капитализма приобрели новое дыхание в качестве безальтернативной буржуазно-капиталистической системы, к которой примкнули новые капиталистические страны на постсоциалистическом пространстве.

В-третьих, все новые страны, образовавшиеся на базе СССР, оказались в стихии индустриальной и культурной деградации, упадка межхозяйственных связей, и, как выше отмечалось, из состава развитых стран (которой являлся Советский Союз) перешли в разряд бедных развивающихся стран,

⁴ Видимо, эти недалекие нувориши полагали, что наступил вечный мир, эпоха процветания и всеобщего счастья. Когда более прозорливые политики напоминали простые вещи об «интересах государств», их злобно одергивали, подвергали осмеянию. Все это история помнит, хотя людская память слаба, а правящая элита делает вид, что ничего этого и не было, она (воровская элита) — в шоколаде, белая и пушистая, с подходящим патриотическим лозунгом.

которым Западом оказывалась гуманитарная помощь — самая позорная характеристика правящих элит 1990-х гг., которая, кстати, ими же и разворовывалась.

В-четвертых, в это десятилетие особенно бурно и высокими темпами (12%) происходил экономический рост Китая и ряда азиатских и латиноамериканских стран. В эти годы началась внешнеэкономическая экспансия китайских корпораций в Азию, затем в Африку и Латинскую Америку, к концу десятилетия — в США и страны Европейского союза. Китаю политически повезло — такое грандиозное событие как распад СССР затмило процесс необычайно быстрого роста этой страны, отвлекло внимание мирового капитализма от Китая.

В-пятых, необычайно повысилась роль МВФ, который стал фактически главой, доминирующей финансовой инстанцией для множества бедных стран, которые охотно брали в качестве базовых положений своей экономической политики рекомендации этого банка, основанные на Вашингтонском консенсусе, получая от него кредиты (на очень жестких условиях). МВФ, Всемирный банк, мощные ТНК, ТНБ и огромная финансовая инфраструктура создали новую «глобальную рыночную реальность».

Совокупным глобальным результатом стало то, что социальные государства, созданные в послевоенные десятилетия не только на базе кейнсианской идеологии, но и на принципах просвещенного гуманизма, стали деградировать. Образование, культура и искусства, здравоохранение, наука — во все эти сферы грубо и беззастенчиво вторгся бизнес, отрицающий гуманизм, просвещение и культуру. Человек-творец, созидатель стал рассматриваться как потребитель, о чем официально заявило Министерство образования и науки Российской Федерации, требуя посвятить этой идее программы университетов.

За три десятилетия, когда эти новые явления охватили почти весь мир, произошло огромное социальное расслоение обществ, концентрация богатства под контролем предельно узких страт, в то время как большинство населения остается бедным. По данным известной международной организации *Oxfam*, в 2017 г. на 1% населения мира приходилось 82% всех доходов. Для сравнения: на 1980 г., когда кейнсианские социальные институты не были разгромлены, на 1% мирового населения приходилось 42% всех доходов — тоже не особенно хорошая ситуация, но неравенство и несправедливость не имели такого впечатляющего масштаба, как сегодня. Указанная организация *Oxfam* отнесла Россию к одной из самых несправедливых стран с точки зрения распределения доходов.

Вот еще одна причина, на мой взгляд, многолетней рецессии в стране, у которой имеются абсолютно все факторы для успешного развития, по сравнению со многими другими странами, включая Китай, Индию, США и европейские страны. Известно, что, если не происходит постоянного роста народного благосостояния, пусть небольшими темпами, но непрерывного роста этого показателя — успешного развития страны не следует ожидать. Это аксиома. В целом же это период был, по видимому, достаточно удачным для всего несоциалистического мира,

утвердившего многосторонний либеральный международный порядок под эгидой и в интересах прежде всего США и Европы (кроме Китая).

Четвертый этап (2000–2018). В конце 2000 — начале 2001 г. завершился длительный повышательный цикл всемирной деловой активности. Экономика США внезапно оказалась в кризисе — кризис поразил новейшую технологическую отрасль — *доткомы*, интернет-технологии; он перекинулся на весь финансовый сектор страны, а затем и всю экономику. И лишь с начала 2003 г. (в преддверии вторжения армии США в Ирак), американская экономика вошла в стадию оживления. Далее новый финансовый кризис, первоначально возникший в США в 2007 г., привел к мировому экономическому кризису 2008–2009/10 гг., который чуть не опрокинул весь капиталистический мир. Совместными усилиями основных экономических держав и многими триллионами долларов (более 20 трлн долл.), удалось его загасить. Последствия кризиса известны, о них написано много трудов, в т.ч. и авторских.

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что после завершения указанного глобального кризиса не удалось восстановить ни прежние темпы роста мировой экономики, ни темпы роста мировой торговли. Скорее всего, главная причина этого состоит в том, что колоссальные денежные вливания привели к тому, что кризис не сыграл свою роль в качестве «очистительного механизма» как это обычно происходило с кризисами на протяжении трех предыдущих столетий. Множество крупных банков и промышленных компаний, которые должны были обанкротиться, были спасены правительствами (в 2009 г. появилась концепция «слишком крупные, чтобы обанкротиться»). В результате кризис как бы «заглушили», он не «очистил» систему от неэффективных банков и предприятий. Видимо, здесь следует искать и причину разразившейся вскоре Великой европейской рецессии (2011–2013) наряду с преждевременным свертыванием, кстати говоря, кейнсианских мер регулирования, на что указывали специалисты ЮНКТАД [2, С. 4].

Главными особенностями этого (четвертого) периода, на мой взгляд, является, во-первых, то обстоятельство, что впервые после XVI–XVII вв. развитие мировой экономики и торговой динамики снова сместилось в Азию и ее центр — срединное государство, Китай.

Во-вторых, не будем забывать, что нынешнее руководство Китая твердо заявляет о своей приверженности идеалам социализма и намерениям построить социалистическое государство со своей национальной спецификой. Это, между прочим, означает, что глубокой основой для полноценного сотрудничества между социалистическим (коммунистическим) Китаем и капиталистической (буржуазной) Россией, не существует в силу известного классового недоверия. Сотрудничество, конечно, действует. Исходя из экономических интересов, оно возрастает по объемам. Но на особо тесные альянсы, диктуемые фактором доверия, не стоит рассчитывать. Китай исходит из того, что при всех противоречиях капиталистическая Россия находится в сфере мирового капитализма под эгидой США. Классовые признаки всегда выступают первичными. Хотя между социалистическими странами всегда были противоречия, но они возникали в сферах высшей власти, а не общества.

Поэтому Китай с Россией действует жестко прагматично и сугубо в своих интересах, и никакой политической поддержки с его стороны России не следует ожидать (тем более от Индии).

Таким образом, краткий обзор событийного ряда показывает, что всякий раз, когда фактор политики чрезмерно энергично вторгается и в экономические, и в политические отношения, он нарушает условное мировое равновесие, а нештатное влияние на национальную экономику разрушает страну, как это произошло в СССР. Поэтому в призывах к осторожности в проведении реформ есть здравая мысль, хотя она часто приводит к догматизму и накоплению проблем, что неизбежно ведет к коллапсу.

Замедление темпов роста мировой экономики и международной торговли

Последнее десятилетие характерно для мировой экономики тем, что существенно замедлились темпы экономического роста. Объяснения этой тенденции не совсем убедительны, поскольку, как мне представляется, аналитики не уделяют должного внимания фактору политики. В этой связи профессор Николас Крафтс напоминает, что один из последователей Дж. М. Кейнса, известный американский ученый-экономист профессор Элвин Хансен предугадал снижение темпов роста в связи с техническим прогрессом [3]. В частности, он писал о вероятности «долговременной стагнации» в посткризисный период. Об этом же предупреждали и знаменитые экономисты, профессора Шпиггоф, Вискель, а позже Роберт Солоу. Идея Хансена в последний период получила развитие в статье Пола Кругмана, на которую ссылается Николас Крафтс [4]. Ключевая идея экономистов — ограниченность инвестиций, которую упорно игнорируют в российском Правительстве вот уже четверть века (за исключением кратковременного периода, когда Правительство возглавлял Евгений Примаков в 1998–1999 гг.).

Однако, я хотел бы заметить, что указанное замедление темпов экономического роста развитых стран под влиянием фактора «технологической зрелости», было описано мной в новейшее время в ряде статей и монографий. В них на базе закона Вагнера обоснована ключевая идея, что по мере широкого распространения достижений НТП в национальной экономике темпы ее роста неизбежно снижаются, что является благом, а не просчетами экономической политики [5]. Возможно, пример японской экономики, которой свойственны низкие темпы роста вот уже почти 20 лет (без малейшего намека на ухудшение уровня жизни населения), подтверждает эту мысль. Отмеченное рядом экономистов (Пол Кругман и др.) и в международных докладах последнего времени (ЮНКТАД, МВФ, Всемирный банк) снижение темпов мирового экономического развития (по сравнению с предыдущими этапами) связано, во-первых, именно с этим фактором.

Во-вторых, с тем, что Китай и другие ранее быстро развивавшиеся экономики уже растут не так быстро, чтобы оказать существенное влияние на рост мировой экономики и, соответственно, международную тор-

говлю. Хотя это влияние существует и без него темпы роста мировой экономики и мировой торговли были бы еще ниже, чем ныне.

Стоимостной объем мирового экспорта товаров и услуг увеличился примерно с 2 трлн долл. в 1980 г. до исторического пика в 23,65 трлн долл. в 2014 г., или десятикратно. Среднегодовые темпы прироста составили около 7%. Основными источниками этого процесса обычно называют такие, как международную специализацию и кооперацию; формирование международных производственно-сбытовых цепочек; либерализацию, гармонизацию и унификацию в торговой политике; в целом регулирование международной торговли, в рамках интеграционных групп и ВТО. Соотношение торговли товарами и услугами остается в последние десятилетия достаточно стабильным: 80% приходится на товары и 20% на услуги. Отмечено также, что в последние годы, начиная с 2014–2017 гг., доля услуг несколько возросла, составив в 2017 г. 23%. Но это, однако, связано с некоторым падением объемов торговли товарами в силу разных причин, в т.ч. в силу падения цен на сырьевые товары с 2014 г. Для отдельных стран соотношение товаров и услуг в национальном экспорте может существенно отличаться от среднемирового, что связано с особенностями экономики страны, обладающей очевидными конкурентными преимуществами (пример — Россия, в которой сырьевой экспорт значителен).

Основной мегатенденцией является, несомненно, быстрое увеличение доли развивающихся стран (особенно Китая) в мировой экономике. Совокупный объем валового продукта этой группы вырос за последние 20 лет (1997–2017 гг.) с 22 до почти 37%. Одновременно вклад азиатских стран в мировой экспорт повысился с 8 до 18%, в т.ч. Китая — с 3 до 11%, Индии — с 0,7 до 2,2%, Бразилии — с 1 до 2,4%. Одним из основных двигателей этих изменений стал перенос западными фирмами производственных мощностей в развивающиеся страны. Но этот процесс, похоже, остался в прошлом — США еще с периода президентства Буша-мл. предпринимают меры по «возвращению» предприятий в США. Особенно агрессивными эти намерения стали при Трампе.

Главной причиной, однако, ухода многих американских и прочих предприятий из Китая являются не грозные окрики из Вашингтона — если предприниматель считает выгодным вести свой бизнес в той или иной стране, они его не испугают. Дело в том, что достаточно быстрое и последовательное увеличение заработных плат в Китае (а это основная часть затрат предпринимателя в отданном капитале) заставляет фирмы, особенно иностранные, искать другие страны (Вьетнам, например) для прибыльной деятельности⁵.

Одним из новых явлений следует рассматривать снижение эластичности мировой торговли. Основная причина этого явления, скорее всего, процесс снижения интенсивности торговли в рамках глобальных цепочек стоимости (далее — ГЦС), когда произведенный сложный товар (изделие)

⁵ Аналогичная ситуация складывается на российском Дальнем Востоке. Поскольку заработные платы в Китае ныне выше, чем в России, китайские рабочие в массовом порядке покидают Дальний Восток; на их место прибывают узбеки, таджики, киргизы. Остаются только те, кто ведет сверхприбыльные операции, например, получая четыре-пять урожаев овощей в сезон (и уничтожая землю химикатами).

приобретает свойства *международного продукта*. Эта новейшая тенденция в особенности характерна для двух крупнейших экономик мира — США и Китая. Для них и была свойственна в основном в последние годы практика создания так называемых «длинных внутренних цепочек» создания добавленной стоимости. Она являлась, с одной стороны, отражением новой волны протекционизма, начавшегося с периода очевидных неудач торговых переговоров в рамках ВТО. С другой — способом снижения эффективности ТНК. Этот метод был освоен китайскими компаниями, действующими за рубежом. Но для Китая главная задача государства — это рост жизненного уровня населения страны численностью в 1,3 млрд чел. Для США — задача «новой индустриализации» в том, чтобы, в частности, ликвидировать критическую зависимость населения от «азиатского ширпотреба»⁶. Но процесс этот (откат от ГЦС) не получил еще своего определяющего выражения, и он развивается параллельно первой тенденции (т.е. с развитием ГЦС).

Геополитические и технологические факторы, усилившие Америку

После Второй мировой войны на общее неравномерное развитие стран и регионов мира как бы наложилась *выраженная тенденция постепенной утраты абсолютного доминирования американской экономики* при неуклонном возвышении позиций других развитых стран, СССР и развивающихся регионов мира. Ко времени распада СССР (декабрь 1991 г.) доля США в мировом валовом продукте (далее — МВП) составляла 18%, с ними успешно конкурировали мощные ТНК Японии, ФРГ, Франции, Англии; усиливались позиции других стран в Азии, Латинской Америке и особенно Китая. Казалось, эра заката экономической мощи Америки приобрела устойчивый линейный характер и ничто не может ее преломить. Однако США сумели использовать ряд факторов, позволивших им приобрести большую, чем в предыдущие времена, экономическую мощь.

Первый фактор — использование информационно-коммуникационных технологий. С середины 1980-х гг. во множестве малых и средних компаний Америки происходил взрывным образом технологический переворот — началась *революция информационно-коммуникационных технологий* (далее — ИКТ), они стали платформой для бурного роста интернет-технологий и их массового внедрения во все сферы деятельности. Этот фактор стал источником для нового бурного роста американской экономики. Длительный восходящий цикл, начавшийся после преодоления мирового кризиса 1990—1993 гг. и продолжавшийся вплоть до начала спадов конца 2000 г., снова придал динамизм американской экономике и обозначил ее новое доминирование в мировом хозяйстве; ТНК и ТНБ Америки первыми стали глобальными, укрепляя финансовое могущество этой страны.

Второй фактор — распад СССР и мирового социализма, ставший крупным фактором укрепления американской экономической мощи.

⁶ Попробуйте в американских магазинах или лавках купить какую-нибудь игрушку или подходящий сувенир, произведенный в США, не найдете, все *Made in China*.

Когда в России пришли к власти люди, объявившие себя «учениками Запада», из России в Америку и Европу устремились многие тысячи талантливых ученых, инженеров и специалистов высокой квалификации⁷. Не повторяя ранее сказанного, заметим, эмиграция дополнилась перекачкой в американские банки колоссальных финансовых ресурсов, вывозом новых технологий и заводского оборудования, огромных запасов сырья из стратегических резервов, в которых годами накапливались десятки наименований элементов из всей таблицы Менделеева. Эти три фактора, несомненно, способствовали укреплению промышленно-экономического, военного и интеллектуального потенциала Америки.

Третий фактор — это необычайно удачное навязывание миру американской модели глобальной экономической политики.

Возрождение американского империализма

Американские ТНК первыми стали глобальными. Получив управленческие технологии на базе ИКТ и используя их для более эффективного управления своими филиалами по всему земному шару, в т.ч. в новых странах, образовавшихся на пространстве бывшего СССР, они приобрели огромную силу и влияние в современном мире. Как правило, они внедрялись в передовые отрасли, нефте- и газодобычу, продовольственный сектор и фармацевтику, подчиняя все эти сферы своему контролю. Интересно, что в странах Восточной Европы американские ТНК представлены слабо. По-видимому, есть тайные альянсы, в соответствии с которыми «это поле колонизации» предоставлено мощным корпорациям Германии, в меньшей мере Франции и Великобритании.

Именно накануне резкого ослабления СССР американские научно-экспертные сообщества при явной инициативе правительства США (МВФ, Минфин и Всемирный банк) разработали первый вариант Вашингтонского консенсуса. Первоначально он предназначался для стран-должников Латинской Америки — они задолжали огромные средства американским банкам, и Уолл-Стрит во что бы то ни стало хотел вернуть более 50 млрд долл.

Следует отметить, что идеи, которые были сформулированы как «Вашингтонский консенсус», *вызревали на протяжении почти целого десятилетия*. Термин «консенсус» используется в значении интеллектуального согласия среди экономистов неолиберального направления, осуществлявших консультации по вопросам политики и экономики и занимавшихся формулированием стратегии для Бреттон-Вудских учреждений и МВФ, Межамериканского банка развития. Они и разработали (после провала «плана Брейди») доктрину Вашингтонского консенсуса, принципы которого прочно вошли в стабилизационные программы международных финансовых учреждений. Данные принципы приобрели всеобщий характер и были признаны большинством стран мира (под мощным давлением США и МВФ). Непосредственным разработчиком

⁷ Тогда, кстати, стали формироваться контуры знаменитой Кремниевой долины, где получали работу многие наши талантливые соотечественники, не нашедшие применения своим способностям на Родине.

Вашингтонского консенсуса в 1989 г. стал профессор Дж. В. Уильямсон, ректор Петерсоновского института мировой экономики при Гарвардском университете, собравший группу ученых-экономистов, сторонников Чикагской школы Фридмана.

Содержание рекомендаций Вашингтонского консенсуса

В документе определялись 10 политических инструментов, при правильном введении в действие которых Вашингтон достигнет значительного уровня консенсуса. Это:

- укрепление бюджетной дисциплины (на базе Закона Грэма — Рудмана — Холлинга с целью восстановления сбалансированного бюджета);
- осуществление денационализации (приватизации) государственного промышленного сектора с целью передачи предприятий в частный сектор;
- приватизация банковского сектора, развитие негосударственных инструментов финансового рынка;
- сокращение государственных расходов на образование, здравоохранение и социальную помощь;
- снятие ограничений на приток и отток капиталов (национальных и иностранных);
- полная либерализация торгового режима и устранение протекционистских мер;
- обеспечение свободного «плавания» обменного курса валюты, либерализация режимов процентных ставок;
- налоговая политика, предполагающая необходимость их сокращения;
- отказ от лицензирования импорта и другие меры;
- ужесточение регулирования трудовых отношений, включая «замораживание» роста трудовых доходов (зарплат) [6].

Разработанные первоначально как рекомендации в отношении стран Латинской Америки положения Вашингтонского консенсуса были динамично распространены за неимением других на все бывшие социалистические страны, вставшие на путь капиталистической реставрации. Эти положения заняли ведущее место в глобальной политике Запада по либерализации мировой экономики и мировых финансов, что *окончательно подвело черту под кейнсианской идеологией*, хотя ее пришлось вспомнить в период растерянности правящих кругов Запада в период глобального кризиса 2008—2009/10. Затем Вашингтонский консенсус как эталонная программа был навязан и развитым странам мира, включая Европейский союз (далее — ЕС).

С начала 1990-х гг. «Консенсус» в неизменности был внедрен вначале в Польше (1989—1990) под названием «шоковой терапии», в России (1992) и большой группе восточноевропейских и развивающихся стран. Успешной его имплантации способствовала мощная пропаганда, объясняющая, что «*ей нет альтернативы*» (Россия), хотя это не соответствовало истине. Другая причина — обещания США и МВФ финан-

сировать реформы в странах, при условии его принятия. Противники оказались разрознены, не обладали ресурсами в СМИ и были буквально затравлены наступлением реакционных правых сил⁸.

Как я заметил выше, к середине 1990-х гг. Вашингтонский консенсус через МВФ был уже навязан всем развитым капиталистическим странам и прежде всего Европейскому союзу. В результате, США стали *проводником глобальной макроэкономической политики*, существенно укрепившей ее экономические позиции и прежде всего ТНК, крупнейших банков и других финансовых учреждений. Центральным элементом этой политики стало ударение на сдерживании инфляции через блокирование экономического роста и запрет на государственные инвестиции в реальный сектор. В период мирового кризиса 2008—2009/10 гг. на саммитах G20 произошло фактически закрепление (утверждение) основ глобальной экономической политики под эгидой МВФ (управляемого США); была резко возвышена роль этого института (как и Всемирного банка), а также Банка международных расчетов (Базель, Швейцария). Рекомендованные для «двадчатки» долгосрочные меры регулирования мировой финансовой системы и даже деятельность отдельных финансовых институтов были разработаны совместными группами этих трех глобальных банковских институтов и приняты без разногласий и длительных обсуждений в рамках G20. Попытку «*мятежа*» *против американского глобального экономического порядка*, хотя и робко, попытались предпринять на форуме G20 (Лондон, 2008 г.) некоторые европейские лидеры (Берлускони, Саркози, Меркель).

Так, канцлер Германии Меркель прямо заявила президенту США Дж. Бушу-мл.: «Вы навязали нам Вашингтонский консенсус и теперь мы расплачиваемся за эту политику и деятельность ваших хедж-фондов» [8]. Президент США Дж. Буш-мл. отмахнулся от этих слов — все козыри были у него на руках. В итоговом коммюнике были приняты меры, продиктованные США с весьма скромными уступками, и ни о какой ревизии американской глобальной политики уже не было и речи. «Бунт на коленях» был подавлен.

Эта политика в полном объеме была взята на вооружение всеми правительствами Ельцина, начиная с первого, в котором Ельцин был главой правительства, а Гайдар, Чубайс и Бурбулис — его заместителями и фанатичными сторонниками, проводниками этой предельно губительной для страны политики «Консенсуса». Уже в октябре 1991 г. (когда СССР еще был жив и мало что предвещало коллапс) прибывший в Москву Мишель Камдессю, председатель-распорядитель МВФ, встретился со мной, Председателем Верховного Совета России, предложив мне *рассмотреть «Консенсус» как базу для проведения реформы в России*. Я ответил, что у нас уже имеется программа, к тому же мы — Российская Федерация — часть СССР и не можем принимать решения такого масштаба без согласия Президента СССР Михаила Горбачева.

⁸ Критика этой доктрины осуществлялась автором еще в 1992—1993 гг. (при обсуждении антикризисных планов и программ правительства Ельцина — Гайдара на заседаниях Верховного Совета); в статьях и брошюрах 1990-х гг. (см.: [5; 7]), а также в многочисленных статьях и интервью СМИ.

«И вообще, — сказал я, — насколько я знаю, эта „ваша программа“, примененная в ряде стран Латинской Америки, привела к плачевным результатам». Но Правительство Ельцина — Гайдара — Бурбулиса — Чубайса с восторгом ухватилось за Вашингтонский консенсус, который впоследствии привел Россию к коллапсу в результате деиндустриализации ее экономики и обнищания населения⁹.

Этот неожиданно свалившийся на Америку бесценный приз, который невозможно оценить в силу грандиозных последствий, был в дальнейшем дополнен еще одним. К середине 90-х гг. XX в. США блистательно сумели буквально «додавить» все страны мира, (исключая Китай) тем, что (отказавшись от кейнсианской модели) приняли Вашингтонский консенсус в качестве теоретико-методологической базы проведения единой всемирной экономической политики. В результате *Вашингтон реально стал политической столицей мира* (не для Китая), а *Нью-Йорк — его деловой столицей*.

Для всех стран мира, особенно для новых капиталистических, в т.ч. для России, эта доктрина привела к следующим главным последствиям.

1. Сокращение социального государства предельно усилило дисбаланс государственной власти, необычайно расширив политическую роль крупного бизнеса (и финансового, и промышленного, и IT-сектора).

2. Необычайно высокая концентрация национального богатства (и национального дохода) в руках предельно узкой группы верхушки делового класса и политической элиты (высшей бюрократии).

3. Разрушение социального государства и деформация смешанной экономики явились следствием стремительного сокращения прямых и косвенных форм государственного регулирования.

4. Все страны мира (за исключением Китая) экономически и политически ослабли, а США усилили свою экономическую и политическую мощь и влияние, вернув себе роль главного игрока в системе мировой экономики и международных экономических отношений, несмотря на то, что их политические позиции как гегемона слабели.

5. С этого периода получила свое развитие глобальная тенденция сокращения средних классов, в т.ч. в процветающих странах (США и ведущих странах ЕС).

В результате возник новый американский имперский экономический порядок, а *США стали единственной империалистической доктриной*. Возникающие время от времени политические или торгово-экономические противоречия между США и отдельными странами или группами стран мало влияют на этот глобальный порядок. И только социалистический Китай сумел противопоставить Вашингтонскому консенсусу *Пекинский консенсус* — альтернативную экономическую политику, основы которой были сформулированы великим китайским лидером Дэн Сяопином. Опираясь на эту новую политику, Китай стал второй промышленной державой мира, успешно реализуя планы развития.

⁹ Позже в одном из своих интервью этот хитрый француз сказал, что «спикер Хасбулатов, известный экономист, поддержал его инициативу».

Он осуществляет торгово-экономическую и инвестиционную деятельность на всех континентах, тесня американские и другие ТНК. Это вызывает сильнейшее раздражение в Вашингтоне, но он бессилен остановить могучий Китай. Скорее всего, множество переговоров между этими двумя супердержавами приведет дело к тому, что они договорятся о совместном участии в мировом регулировании. Это — нечто, напоминающее негласные отношения между США и СССР в послевоенные десятилетия.

Список литературы

1. МВФ. Финансы и развитие. 2017. Сентябрь. С. 5.
2. Доклад о Торговле и развитии / ЮНКТАД; ООН. — Нью-Йорк; Женева, 2012. С. 4.
3. Харрод Р. Экономические циклы и национальный доход // Харрод Р., Хансен Э. Классики Кейнсианства: в 2 т. Т. 2. Ч. III—IV. М.: Экономика, 1997.
4. Крафтс Н. Куда направлен экономический рост? // Финансы и развитие. 2017. Март. С. 3—6.
5. Хасбулатов Р.И. Закат рыночного фундаментализма. Теории, политика, конфликты: в 2 кн. Кн. 2. М.: РЭУ им Г.В. Плеханова, 2014. С. 520.
6. What Washington Means by Policy Reform / J. Williamson; Peterson Institute for International Economics. URL: <http://faculty.washington.edu/acs22/SinklerSite/PS%20322/What%20Washington%20Means%20by%20Policy%20Reform.pdf>; См.: Introduction // Latin American Adjustment: How Much Has Happened? / ed. J. Williamson. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1990. P. 1—3.
7. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика. Политика, доктрины, практика: в 2 т. М.: Панорама, 2001.
8. По поводу второго саммита G20 в Лондоне // Ведомости. 2009. 2—3 апреля.

IRRATIONALISM OF THE EXCESSIVE INFLUENCE OF THE FACTOR OF POLITICS ON ECONOMY: GENERAL TRENDS (part I)

The article examines the main institutional changes, which took place in the world economy and in international economic relations after the Second World War in the framework of four periods. These periods include the creation of the Bretton Woods agreements and GATT, which played an unusually positive role as a universal regulator of world trade within well-known trade rounds. The paper reviews the periods of unusually successful development of two subsystems of the world economy (socialist and capitalist) and their positive mutual influence (the latent development of convergence). Moreover, the author argues that the most successful period for world capitalism was the time, when on the basis of Keynesian regulation, a social state of universal prosperity has been created, poverty quickly declined and the middle class grew on the basis of a continuous rise of the standard of living for the majority of the population of the countries. This model of democratic capitalism was rigidly and uncompromisingly changed in the 1980s through the rejection of Keynesianism in favour of neo-liberal monetarism or «libertarianism», as the famous American economist P. Samuelson mentioned in the well-known doctrine of «Washington Consensus». The latter reflects the course of the most right-wing reactionary circles of large monopolistic corporations and, above all, of financial groups, which established control over national economies, especially successfully after the fall of the USSR and the world socialist system. Global competition

between the two systems has disappeared; world capitalism has announced that there is no alternative. Hence — the sources of the rapid growth of inequality, a new onset of poverty, the tendency towards the reduction of the middle classes in the countries; including in the most prosperous and wealthy ones. Proclaiming the slogans of the «withdrawal of the state from the economy» in order to stimulate the mechanism of competition in the developed countries for the past three decades, state intervention has increased and in the direct forms and with growing intensity. This fact became especially noticeable from the beginning of a new millennium and in particular when the joint efforts of the United States and the European Union actually blocked the activities of the WTO as a universal regulator of international trade. The transition to a policy of pressure, blackmail, threats, unilateral introduction of duties, quotas and sanctions became Washington's distinctive feature and style, especially after the coming of President Donald Trump to the White House. All this, to the author's opinion, creates a new, much more complicated international situation for Russia, requires the necessity to conduct another economic policy of the country and another course of its foreign policy, including with colleagues in the EEU. It's necessary to give new incentives for the development of not only the Russian economy, but also of the economy of this integration group, which is vitally important for the interests of Russia itself and for the countries of the group. This course should become a priority in the entire foreign economic strategy of the state.

Keywords: American imperialism, Bretton Woods system, trade and economic war, European Union, integration processes, new centers of power, region, Transatlantic trade and investment partnership, Trans-Pacific Trade Partnership

JEL: F29, F37, F42

Дата поступления — 04.06.2018 г.

ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, Москва, 117997.
e-mail: Khasbulatov.RI@rea.ru

HASBULATOV Ruslan I.

Corresponding Member of RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor;
Federal State Budgetary Institute of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997.
e-mail: Khasbulatov.RI@rea.ru

Для цитирования

Хасбулатов Р. Иррационализм чрезмерного влияния фактора политики на экономику: общемировые тенденции (часть I). // Федерализм. 2018. № 2. С. 112–128.

Диапазоны
безопасности

Сергей БЕЗДЕЛОВ

ФИНАНСОВАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДЛЯ СТИМУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СМЯГЧЕНИЯ САНКЦИОННЫХ РИСКОВ

Многочисленные инновации, внедряемые в финансовую сферу при помощи новых цифровых технологий, могут использоваться для решения как локальных задач развития регионов, так и глобальных финансовых проблем. В связи с этим финансовая цифровизация отечественной экономики должна идти по пути выстраивания необходимой инфраструктуры, содействующей привлечению частных инвестиций в регионы и организации благоприятной среды в международной торговле. Краудфандинговые платформы, ориентированные на сбор денежных средств компаний и частных лиц для реализации инвестиционных проектов, постепенно придут на смену микрофинансовым организациям. Преимущества блокчейна устранят недостатки рейтинговых систем для оценки цифровых проектов. Рынок криптовалют позволит преодолеть санкционные ограничения международной торговли через американский доллар.

Ключевые слова: краудфандинг, преодоление санкций, регион, финансовая цифровизация, финтехкомпания

JEL: F02, G20, G30, G35

Эра цифровизации экономики, стремительно наступающая во всех сферах жизни, позволяет преодолеть значительное число ограничений, замедляющих пространственное социально-экономическое развитие. Особенно это актуально для России, где вопросы более равномерного развития регионов стоят особенно остро, где значительное влияние на характер экономического развития оказывает внешнее санкционное давление.

В этих условиях требуется создание финансовых механизмов, с одной стороны, обеспечивающих возможности для пропорционального развития территорий, с другой — преодолевающих санкционные ограничения со стороны западных партнеров.

Традиционные формы привлечения инвестиций обременены колоссальным набором регламентов и ограничений, массой бюрократических препятствий. Финансовая цифровизация позволит их преодолеть, а также создаст для процесса привлечения и защиты инвестиций более доступную и безопасную платформу.